

DOI 10.15826/qr.2020.1.460
УДК 94(571.12)"16"+342.518.+351.713

МАНГАЗЕЯ: ОТЧЕТ ПОСЛЕДНЕГО ВОЕВОДЫ*

Евгений Вершинин

Институт археологии Севера,
Нефтеюганск, Россия

Георгий Визгалов

Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия

MANGAZEYA: THE REPORT OF THE LAST VOIVODE

Evgeny Vershinin

Institute for the Archaeology of the North,
Nefteyugansk, Russia

Georgy Vizgalov

Surgut State University,
Surgut, Russia

This article considers the administration policy of the voivode (local government in 17th-century Mangazeya, an unusual polar town of Siberia). The authors refer to the administration of R. M. Pavlov, Mangazeya voivode between 1662 and 1670. During his voivodeship, the centre of a huge *uyezd* moved from Mangazeya (on the Taz River) to Turukhansk (near the confluence of the Turukhan and the Yenisei). The authors provide a detailed review of the whole range of responsibilities of the Mangazeya voivode. It is established that the deliberate abandonment of the town by its administration and the residents was not caused by some extraordinary events (e. g., an uprising of the indigenous peoples against the Russian government), but by the inconvenient geographical position of Mangazeya itself, which simply could not be an effective centre of control over the *yasak* (fur tribute) collection from the territories to the east of the Yenisei. The

* *Citation*: Vershinin, E., Vizgalov, G. (2020). Mangazeya: The Report of the Last Voivode. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 253–269. DOI 10.15826/qr.2020.1.460.

Цитирование: Vershinin E., Vizgalov G. Mangazeya: The Report of the Last Voivode // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 253–269. DOI 10.15826/qr.2020.1.460 / Вершинин Е., Визгалов Г. Мангазея: отчет последнего воеводы // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 253–269. DOI 10.15826/qr.2020.1.460.

entire course of Russian colonisation required a transfer of Mangazeya from the Taz to the Yenisei.

Keywords: Mangazeya; voivodship administration; *yasak* in 17th-century Siberia.

Рассмотрена административная практика воеводского (местного) управления XVII в. необычным заполярным городом Сибири – Мангазеей. Эта практика показана на примере службы Р. М. Павлова, магазейского воеводы (1662–1670), при котором центр огромного уезда фактически переместился из Мангазеи (на р. Таз) в Туруханск (недалеко от впадения р. Турухан в Енисей). Детально рассмотрен тот круг дел и обязанностей, за выполнение которых отвечал мангазейский воевода. Выяснено, что сознательное оставление города администрацией и жителями было вызвано не какими-то экстраординарными событиями (например, восстанием аборигенных народов против русской власти), а неудобным географическим положением самой Мангазеи, которая просто не могла быть эффективным центром контроля за сбором ясака с территорий, находящихся к востоку от Енисея. Весь ход русской колонизации требовал переноса Мангазеи с Таза на Енисей.

Ключевые слова: Мангазея; воеводское управление; ясак в Сибири в XVII в.

Мангазея, своеобразный заполярный город Сибири XVII в., возникший и сознательно оставленный администрацией и жителями в этом же столетии, давно стал объектом пристального изучения историков разных поколений [Буцинский; Бахрушин, 1955а; Бахрушин, 1955б; Бахрушин, 1955в; Александров; Белов, Овсянников, Старков, 1980; Белов, Овсянников, Старков, 1981; Вершинин, 2018; Визгалов, Пархимович, 2008; Визгалов, Пархимович, 2017; Бертолисси]. Название данной статьи не подразумевает никаких трагических событий: причины запустения Мангазеи выяснены достаточно хорошо, а жизненный путь последнего воеводы города в 1670 г. отнюдь не прервался. В поле зрения авторов попал рядовой для административной практики XVII в. и местами весьма скучноватый документ – воеводский росписной (счетный) список сдачи города воеводой своему преемнику. Авторам показалось любопытным посмотреть, насколько обыденно (или экстремально) протекала жизнь Мангазеи в последние годы ее существования. Наряду с этим, соблазняла задача присутствия при «инвентаризации» тех материальных ценностей казны, сохранение, пополнение и расходование которых возлагались на воеводу как на главу Мангазейского уезда.

Мангазея была основана в 1601 г., пережила в первые 30 лет своего существования время расцвета, которое сменилось годами угасания ее промыслового и торгового значения. Административные и торговые функции Мангазеи постепенно смещались в Туруханское зимовье [Вершинин, Визгалов, 2012], о чем неоднократно докладывали в Си-

бирский приказ мангазейские воеводы. Последний воевода Старой Мангазеи Родион Михайлович Павлов принял город 28 октября 1662 г. Он тоже убеждал Сибирский приказ в целесообразности переноса центра уезда в Туруханск и, не дожидаясь затянувшегося решения Москвы, самовольно в 1668 г. переехал туда. Именно в Туруханске Павлов 18 июня 1670 г. сдал дела новому воеводе Даниле Трофимовичу Наумову, который явился к месту службы сразу в Туруханск (енисейским путем), не заезжая в Мангазею. Этот воеводский росписной список (правда, без начала) сохранился среди дел Архива древних актов и послужил основным источником данной статьи [РГАДА. Ф. 214. Стб. 650].

Согласно сведениям В. А. Александрова, Р. М. Павлов был участником войны с Польшей, в качестве сотенного головы ходил «в польскую и немецкую землю», получил ранения в боях под Мстиславлем и Быховом [Александров, с. 31]. Мангазейским воеводой он стал уже в чине стряпчего. Срок долгого воеводства Павлова (1662–1670) объясняется чрезвычайными обстоятельствами текущей войны: на должность воеводы назначались в первую очередь дворяне, получившие ранения (и в качестве пожалования, и как воины, не годные к строевой службе). Добавим, что в 1679–1680 гг. Павлов уже в чине стольника был верхотурским воеводой. В 1685 г. в чине думного дворянина он служил в Москве и был участником какого-то местнического дела [Эскин, с. 423].

«Отчет» Р. М. Павлова перед Д. Т. Наумовым очерчивает тот круг дел, которые для любого мангазейского воеводы являлись первоочередными. Передача дел, напомним, состоялась 18 июня 1670 г. в Туруханском зимовье. Это свидетельствует о том, что в Туруханске к этому времени уже находился архив воеводской избы самой Мангазеи и была съезжая изба как присутственное место воеводы, что подтверждается в самом начале сохранившейся части счетного списка. В расходной части списка сказано:

Мангазейским же съезжее избы и тюремному и туруханскому съезжее избы сторожам найму по поручным записям на 176 (1667/68) год дано 36 рублев...

Присутственное место воеводы должно было выглядеть торжественно: «Да на Турухане издержано в съезжей избе на воеводской стол 2 аршина лятчины...» (летчина, лятчина – сорт сукна. – Е. В., Г. В.) [РГАДА. Ф. 214. Стб. 650. Л. 2, 3]². До сих пор не известно точное время переезда воеводы Павлова из Мангазеи в Туруханск. В. А. Александров считал, что переселение мангазейских стрельцов с семьями и хозяйством началось с осени 1668 г. [Александров, с. 31]. Но воеводская (съезжая) изба в Туруханске уже существовала.

² В дальнейшем при ссылках на этот столбец документа будут указываться только номера листов в круглых скобках.

В 176 г. случились еще такие расходы:

Мангазейскому таможенному голове и тобольскому сыну боярскому и мангазейским съезжей избы подьячим и всяким людям за подводы найму и есейскому вожу от вожества дано 47 рублев с полтиною (л. 2).

Есейское ясачное зимовье, известное примерно с 1634 г., находилось далеко за Енисеем, у озера Есей, в бассейне реки Котуй. Надо думать, что путь к озеру Есей без вожа (проводника) и сейчас найти нелегко. Сам Павлов, скорее всего, в 1667/68 г. пребывал еще в Мангазее. Денежные и хлебные расходы воеводской избы были самого разного характера:

На приказные неокладные расходы попом и крылошаны на молебны, как приходили на господские праздники и великих государей ангелы в съезжую избу со святыми водами, и на иные всякие мелкие расходы 287 рублев 3 алтына (л. 2).

Подьячие съезжей избы скрупулезно фиксировали любые, даже самые небольшие расходы и доходы государевой казны. Например, в 176 г. «присыльному литвину» Осташку Мартынкину поденного корма дано было 3 руб. 21 алтын; двум полякам за иноземство и за крещение – 6 руб. За 1667/68 г. на окладные и неокладные всякие расходы было истрчено 1630 руб.; в мангазейской казне «за расходом осталось налицо 387 руб.» (л. 3).

В следующем 1668/69 г. мангазейская казна получала обычные, видимо, доходы: с торговой бани в городе взят был верный откуп – 1 руб. 28 алтын; с площадного письма – 70 руб; с прорубей на р. Таз и речке Осетровке – 3 руб. Использование рыбных сетей тоже было на откупе: «с рыбные ловли зимнего промысла с пуцальниц взято 7 руб. 3 алтына». На устье Подкаменной Тунгуски стояла баня (видимо, для промышленных людей); с «кваса, сула и харча» поступило 3 руб. Значительную сумму составила плата за «подрядное горячее вино» – 858 руб. (л. 7, 8). Таков обыденный круг занятий (конечно, не всех) постоянных и временных жителей Мангазеи, из которых казна старалась извлечь свою выгоду. Люди посещали баню, диктовали челобитные, изветы и письма площадному подьячему, варили пиво и ставили брагу (с которых платили явчие пошлины), ловили рыбу, употребляли «горячее вино» (водку), участвовали в церковных и «царских» праздниках. Помимо доходов с самого города, было собрано «на Турухане и на Усть-Подкаменной Тунгуске с торговых и промышленных и с туруханских и с хантайских посадских и со всяких людей с их торгов и промыслов по окладу: десятые деньги взято 375 рублев 3 алтына». С туруханских же и хантайских посадских людей было взято 47 руб. годового оброка (л. 8). Стоит обратить внимание на то, что здесь наличие посадских людей отмечено, помимо

Туруханска, в Хантайском зимовье (оно находилось в низовьях Енисея, ниже впадавшей в Енисей справа устья реки Хантайки).

Всего в мангазейскую казну за 1668/69 г. при воеводе Павлове поступило 2375 руб. Видимо, денег местного бюджета хватало на денежное жалованье мангазейским стрельцам (нам не встречались сведения о присылке из Тобольска или Москвы денег на жалованье). Павлов успел выдать жалованье служилым людям (318 руб.) с 1 сентября 1669 г. по июнь 1670 г. При сдаче Мангазейского уезда в Туруханске воеводе Наумову в казне денег «налицо» оказалось 46 руб. Кроме того, в казне хранилось медных денег 1242 руб. (хотя шел уже 1670 г.) «да заморских товаров: половинка сукон анбурских, половинка лятчин, 6 вершков сукна алово, 9 аршин камки рядожелтой» (л. 15, 17).

Известно, что в 1662 г. у предшественника Павлова Исаия Максимовича Квашнина в государевых амбарах после расходов оставалось 127 четей муки (более 10 тыс. кг) и 21 пуд соли. Новый воевода принял у Квашнина уже 38 четей муки и 12 пудов соли (л. 23). Не следует полагать, что хлебные запасы и соль пропали вследствие махинаций воевод; просто нам не известны цели, на которые они были израсходованы. Воеводский счетный список велся со стороны любого принимающего воеводу весьма дотошно, о чем свидетельствует следующий эпизод. В 1661 г. при Квашнине в Москву был послан с ясачной казной стрелец Матюшка Кoryтов, который из столицы сбежал. Между тем, в Мангазее за ним числился долг казне в виде трех ведер недомерного подрядного вина ценой в 3 руб. 13 алтын. Павлов должен был «доправить» деньги на Квашнине, при воеводстве которого Кoryтов сбежал, но не сделал этого. В конечном итоге деньги были взяты на людях Павлова уже воеводой Наумовым (л. 21–22).

Служилые люди мангазейского гарнизона жили на привозном хлебе. В 1660-е гг. караваны кочей с хлебным (ржаная мука) и соляным жалованьем ежегодно отправлялись из Тобольска в Мангазею. Частные кочи торговых и промышленных людей уже с 1630-х гг. перестали совершать в Мангазею плавания. Хлебное и соляное жалованье получали мангазейские стрельцы (служилые люди Мангазеи назывались именно так, а не казаками), ружники и оброчники. В 1652 г. гарнизон Мангазеи состоял из ста стрельцов во главе с сотником Дементием Тишковым. В 1666 г. стрельцов, ссыльных «литвы» и немцев, ружников и оброчников в городе насчитывалось 172 чел. [Вершинин, 2018, с. 301].

Первый караван из семи кочей прибыл при Павлове из Тобольска в Мангазею 29 октября 1662 г. Всего из Тобольска было отправлено во главе с тобольским сыном боярским Василием Быковским восемь кочей, однако один коч до Мангазеи не дошел, он отстал от каравана еще «в обских устьях». Отправленные кочи везли 1206 мехов ржаной муки (1144 пятипудовых мангазейских чети) и 218 пудов соли. Достигшие Мангазеи семь кочей доставили в город 877 четей муки и 179 пудов соли. На пропавшем коче находилось

190 мехов с мукой (177 четей) и 32 пуда соли. Таким образом, всего на жалованье было отправлено 91,5 т муки; пропавший коч вез более 14 т муки и 500 кг соли. Еще на одном коче недосчитались 51 меха, сопровождавшие его служилые тобольские люди сказали: «они на отстое тот коч легчили и те мехи в море сметали, чтоб им в море не потонуть» (л. 24–25). В целом данное плавание по Обской губе можно считать благополучным.

Казенный караван 1663 г., вышедший из Тобольска на семи кочах во главе с Филиппом Оболяниновым, вез в Мангазею 1184 чети муки и 118 пудов соли. Этот поход был катастрофически неудачным: до Мангазеи 31 августа дошли только два «ломаных коча». Сопровождавшие кочи казаки показали: «...Божиею волею взяла их на море морская погода и ветер встречной, и те 6 кочей на море морскою погодою розбило без остатку, и хлебные запасы и соль все на море пригнули, только остался один коч», из которого хлебные запасы казаки «сметали на море». Из разбитых кочей один удалось снять с кошки (мели), отремонтировать и на нем добраться до Мангазеи. Таким образом, один коч пришел совершенно пустым, на другом сохранилось 28 четей муки (в пятипудовой мангазейской чети было 80 кг) и 3,5 пуда соли (л. 28–290). Интересно, что в сообщениях о крушениях кочей нет ни слова о людских потерях. Может, их и не было: кочи «розбивало» обычно на «отстоях», вблизи берега.

Вследствие потери почти всех запасов муки Павлову пришлось думать самому, чем кормить гарнизон в бесхлебной Мангазее. Обнаружилось, что подъячий мангазейской съезжей избы Васька Петров приписал в прошлые годы в расход лишних 20 четей муки. Этот «приписной» хлеб был взят у Петрова в 1664 г. в казну. У тобольского сына боярского (не назван по имени) было занято 2 чети муки; впоследствии казна вернула свой долг. Самым решительным поступком Павлова явилась, видимо, просто реквизиция муки:

...на Турухане в казну взято у торговых и промышленных и у туруханских жилецких людей для хлебные скудости и морского кочевого розбою мангазейским служилым и польским и литовским и немецким людям и оброчником на жалованье 366 чети муки ржаной, 25 пудов соли.

Об этом факте Павлов послал отписки и в Тобольск, и в Москву. Из Енисейска в Туруханск было прислано (уже не в первый раз) 56 четей муки, 80 пудов соли. В Туруханске же у торговых людей было куплено 29 четей муки и солода (л. 37–40).

8 августа 1664 г. тобольский сын боярский Петр Грузинец благополучно привел в Мангазею караван из десяти кочей, на которых находились 1554 чети муки и 300 пудов соли. К радости мангазейцев, хлебные и соляные запасы были приняты в казну «сполна». Всего в 1664 г. в приходе (вместе с кочевой присылкой) мангазейской казны оказалось 2067 четей муки и 427 пудов соли (л. 41–42).

Поход восьми казенных кочей в 1665 г. (во главе с сыном боярским Власом Старковым) тоже оказался удачным: они доставили в Мангазею 1276 четей муки, 240 пудов соли. Плавание кочей следующего года (1666 г., во главе каравана – тобольский атаман Иван Федоров) прошло спокойно. Количество кочей не указано, но Мангазея получила 1165 четей муки и 240 пудов соли. В 1667 г. (9 сентября) в Мангазею прибыли восемь кочей под командованием тобольского атамана Ивана Емельянова; груз судов состоял из 1024 четей муки и 240 пудов соли. Принимая хлебные и соляные запасы, мангазейская администрация недосчиталась на пяти кочах 209 мехов с мукой и 40 пудов соли. Бывшие на кочах служилые люди сообщили, что «на морской погоде» и встречном ветре, дабы избежать крушений, выбросили муку и соль в воду. В августе-сентябре 1668 г. состоялся последний поход кочей из Тобольска в Мангазею во главе с сыном боярским Христофором Дайнаровым. Запасы в 1026 четей муки и 240 пудов соли стали последним жалованьем, посланным в Мангазею по Обской губе (л. 4–60).

Тобольский воевода П. И. Годунов решительно отменил походы кочей в Мангазею через Обскую губу, о чем он сообщал в отписке от 16 декабря 1668 г. енисейскому воеводе:

А в нынешнем во 177 году по указу великих государей для мангазейского отпуску Тобольского разряду на Тюмени кочей делать не велено, и посылки через море хлебных запасов и соли в нынешнем во 177 году и вперед не будет [РГАДА. Ф. 214. Кн. 367. Л. 744].

Наш источник не дает возможности понять, как было доставлено хлебное и соляное жалованье в Мангазею на 178 г. (1 сентября 1669 г. – 31 августа 1670 г.), но счетный список определенно указывает, что на жалованье 177 г. мангазейским служилым и ссыльным людям, ружникам и оброчникам было затрачено 790 четей муки и 95 пудов соли. «Вперед на 178-й год» было выдано служилым людям и толмачам 255 четей муки и 204 пуда соли (л. 66). Судя по всему, после последнего хлебного каравана кочей 1668 г. следующее поступление жалованья состоялось летом 1670 г.: 11 июня 1670 г. по отписке П. И. Годунова (сам он был смнен с воеводством еще в сентябре 1669 г.) «послано из Тобольска через Енисейский острог на Турухан служилым людям на жалованье и неокладные расходы» с тобольскими служилыми людьми 800 мехов муки (840 четей), 240 пудов соли (л. 69). Почти одновременно (12 июня) в Туруханск вернулся мангазейский стрелец, который купил в Енисейске на казенные деньги 315 пудов муки (63 мангазейских чети). Еще раз напомним, что Павлов сдавал воеводство 18 июня 1670 г., поэтому хлеб из Енисейска пришел весьма вовремя. Воеводе было чем отчитаться:

И всего во 178 году сентября с 1 числа да июня по 18 число при воеводе при Родионе Павлове хлебных запасов и соли тобольские присылки и что куплено в Енисейском и с остатком 177 году в приходе 1075 чети, 782 пуда соли (л. 70–71).

Согласно воеводскому наказу, любой воевода должен был принять у предшественника «городовой наряд» – городскую артиллерию и имевшиеся в казне порох и свинец. Поскольку передача дел 1670 г. происходила в Туруханске, Павлов отчитывался тем, что он принял в Мангазее в 1662 г. Городовая артиллерия Мангазеи не производила сильного впечатления. Павлов «заехал» четыре пищали затинных железных, пищаль рваную и две пищали затинных малых, «а ложей у них нет». Военных припасов к ним оказалось: 1 пуд 3 гривенки (1 гривенка – 409 г) зелья пушечного, 16 пудов 2 гривенки зелья ручного, 12 пудов 24 гривенки свинца (л. 74).

При Павлове стрельба из пищалей в Мангазее имела исключительно церемониальный и торжественный характер (причем повторялась каждый год). Салюты проводились на два христианских праздника, в день Богоявления (6 января) и день Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня (1 августа), когда «ходят на Ердань воды святить». Еще одним поводом для стрельбы служил приезд в город самоедов с ясаком. В 1662/63 г. на все эти цели было истрачено 26 гривенок «зелья пушечного» и одно ядро (стреляли из четырех медных пищалей, почему-то или не отмеченных в росписном списке или спутанных с железными). Наше внимание к столь невинным мелким расходам мангазейских боеприпасов заставляет обратить его и на один немаловажный (и совершенно неверный) вывод М. И. Белова, сделанный им по поводу оставления Мангазеи.

Соглашаясь с исследователями, которые считали причинами переноса центра уезда из Мангазеи в Туруханск опромышленивание соболя в тазовско-туруханских районах и рискованность снабжения города хлебом по Обской губе, М. И. Белов основную причину этого события видел в сопротивлении местных самодийских племен воеводской власти. Он утверждал, что в 1660-е гг. «борьба на подступах к городу не прекращалась, и... постепенно вокруг него сжималось кольцо восставших племен» [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 90]. В качестве доказательств М. И. Белов выборочно использовал архивные документы столбцов Сибирского приказа (в том числе стб. 650), с интерпретацией которых никак нельзя согласиться. К сожалению, для людей, не знакомых с содержанием этих документов, аргументация М. И. Белова, известного ученого, может выглядеть убедительной.

В угоду своим взглядам М. И. Белов высказал целый ряд утверждений, не имеющих под собой никаких оснований. По его мнению, «систематически из Тобольска в дополнение к мангазейскому стрелецкому гарнизону стали посылать новые воинские части. Сохранилось несколько документов о прибытии в 1644 г. (так! – Е. В., Г. В.)

в Мангазею 45 стрельцов и пеших казаков, для которых еле-еле набрали продовольствие – ржаную муку» [Там же]. В росписном списке Павлова действительно сказано:

Тобольским стрельцом и пешим казаком 45 человеком по их челобитью и имянным росписям для их бедности и хлебные скудости и морского и кочевого розбою в оклады их на 172 год (1663/64) дано 50 чети муки.

Здесь речь идет о тех 45 тобольских служилых людях, которые сопровождали семь кочей каравана Ф. Обольянинова в 1663 г. (пять кочей потерпели крушения в Обской губе). Не поняв текста, М. И. Белов далее пишет: «наиболее интересным является сообщение о том, что в городе находился наемный отряд, который в 1664 г. состоял из 24 человек. Их приезд, вероятно, не планировался...» В тексте архивного документа, соответственно, сказано:

Тобольских служилых людей наемщиком по их челобитью... 24 человеком для хлебные скудости и морского кочевого розбою, чтоб в Мангазее без хлеба не помереть голодною смертию, дано 9 чети с осьминою.

Воевода Павлов, выдавший тобольчанам муку, отписал об этом 25 сентября 1663 г. в Тобольск (л. 44–45). Таким образом, 24 чел., которых наняли вместо себя служилые люди тобольского гарнизона, просто сопровождали караван; вместе с тобольскими служилыми, входившими в состав гарнизона, на кочах насчитывалось 69 чел., одним кочем обычно и управляли 10 чел. Вернуться в Тобольск они могли только в следующую навигацию, почему и просили Павлова выдать им муку в зачет их окладов. Будучи историком географических открытий в Арктике, М. И. Белов часто слабо представлял реалии российской истории XVII в.

Согласно М. И. Белову, выступления местных племен против воеводской власти имели место в 1666–1669 гг. [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 90]. Обращение к его ссылкам на архивные документы не обнаружило ничего подобного. М. И. Белов: «Прибывшие из Тобольска войска направлялись против “воровской самояди”. Возглавлял их тобольский сын боярский Влас Старков». Последний вовсе не имел воинственных намерений, а просто привел в 1665 г., как уже было сказано, караван кочей в Мангазею. В росписном списке отмечено, что для «немирной воровской ясачной пясичкой самояди» у Старкова и тобольских служилых взято было 13 мушкетов. Понятно, что предназначались они для ясачных сборщиков, отправлявшихся на Таймыр, как и то, что пясидские самоеды вряд ли собирались осаждать Мангазею. Ничего необычного не было и в том, что в 1668 г. из Тобольска было прислано 14 пудов пороха и 15 пудов свинца (л. 78, 80). Фундаментальный для построений М. И. Белова документ процитирован им неточно и датирован неверно. В архивном подлиннике сказано:

А во 187-м (1678/79) году те служилые люди из прежнего города Мангазеи от шатости юрацкой самоеяди выехали и город оставили пуст [РГАДА. Ф. 214. Стб. 731. Л. 167].

Речь здесь идет о нескольких ясачных сборщиках, которые после 1672 г. по очереди отправлялись из Туруханска в Мангазею.

Во всех случаях расхода пороха в счетном списке Павлова нет и намек на то, что самой Мангазее в 1660-е гг. угрожала какая-либо опасность со стороны самоедов. Порох выдавался ясачным сборщикам при посылке в ясачные зимовья и служилым людям, доставлявшим ясачную казну в Москву. В 1663 г. был зафиксирован курьезный случай артиллерийских учений, когда из одной пищали «стреляли по приметам с ядром», в результате чего «того ядра не сыскано» (л. 76). При сдаче воеводства Павлов оставил Наумову пушечных запасов 7 пудов 29 гривенок зелья и почти 8 пудов свинца (л. 83).

Из Тобольска в Мангазею регулярно поступали на казенные нужды «вино горячее», мед-сырец и хмель, а на церковные нужды – вино церковное, воск и ладан. Так, 1663 г. было прислано 14 ведер вина, полпуда меда-сырца, полпуда хмеля. Вино расходилось на угощение служилых людей в дни ангела царя Алексея Михайловича и его сыновей, на угощение ясачных иноземцев в самой Мангазее и посылалось в ясачные зимовья (л. 84–97). Казенного кабака, судя по всему, не было, «горячее вино» отдавалось на откуп.

Почти все ясачные зимовья Мангазейского уезда находились к востоку от Енисея, куда ясачные сборщики добирались из Туруханска водными путями. Ответственность за наличие водных средств сообщения лежала на мангазейских воеводах, что обязательно фиксировал росписной счетный список:

Да судов дощаников, и лодок, и стругов, и набойниц, и дощаничных и кочевых запасов, парусов холщевых и варовых всяких веревок, и мотов прядена, и нитей шитых, и гвоздья железного, и скоб судовых конопатных, и тисок берестяных кровельных, и сверл лодочных, и смолы в приходе.

Р. М. Павлов «заехал» в октябре 1662 г. и принял у Квашнина: 2 лодки новые, третья старая, четвертая на Турухане «худое лодченко»; 2 паруса холщевых тазовских лодок, «парусишко старое авамской лодки»; 172 аршина кочевого парусного нового холста; 808 скоб конопатных; 94 сажени старых дощаничных варовых веревок; авамские 2 лодки; 2 паруса лодочных; 37 сажений дощаничных и лодочных старых бечев; старое дощаничное днище (л. 111).

Интересно отметить, что если воеводский росписной список фиксировал прибытие казенных кочей в Мангазею (по причине находившихся на них хлебного и соляного жалованья), то об их обратной отправке в Тобольск в списке нет ни слова. Здесь уместно задаться вопросом: куда, собственно, в 1662 г. к месту службы приехал Пав-

лов – в Мангазею или в Туруханск? Судя по всему, в Мангазею вместе с «хлебным» караваном кочей сына боярского Василия Быковского. Воеводство Павлова, как неоднократно отмечено в списке, началось 28 октября 1662 г., а кочи прибыли в Мангазею 29 октября. Под воеводу, следовавшего к месту назначения, обычно выделялся отдельный коч (воевода ехал с семьей и своими дворовыми людьми, вез значительное количество всякого рода запасов). Очевидно, коч Павлова на один день опередил остальные суда каравана.

Вернемся к «судовым» делам. Поскольку за постройку и отправку кочей с жалованьем в Мангазею ответственность нес главный тобольский воевода, дальнейшая судьба кочей в самой Мангазее местных воевод фактически не интересовала. Тобольский воевода П. И. Годунов, прекративший плавание кочей по Обской губе, утверждал, что вследствие плохих условий зимовки «пропадают те кочи небрежением в Мангазее» и что «сибирские кочи ходят только одиновою, а назад из Мангазеи не присылают...». Целый коч нельзя было переправить волоковыми путями на Енисей и послать в ясачные зимовья, для этой цели нужны были более мелкие суда. Тобольские кочи вообще находились вне ведения мангазейских воевод. Зато оснастка бегучего такелажа, как и сами кочевые доски, обязательно находила свое применение (археологические раскопки Мангазеи показали, что судовые деревянные части кочей широко использовались в жилищном строительстве города [Визгалов, Пархимович, 2008; Визгалов, Пархимович, 2017]). Сменивший Павлова воевода Наумов в 1671 г. писал в Москву, что в прошлые годы прежние воеводы «имали с кочей по вся годы кочевые запасы: парусы и варовые веревки, по парусу и по два...». Эти судовые снасти переправляли в Туруханск, где они использовались для оснащения дощаников и лодок, отправлявшихся в ясачные зимовья. Парусина и веревки, снятые с кочей, «исходили все в расход одним годом». В 1680 г. воевода уже Новой Мангазеи (Туруханска) М. П. Беклемишев жаловался на гнилые холсты и веревки и с ностальгией вспоминал то время, когда в распоряжении мангазейских воевод были «кочевые припасы» [Вершинин, 2001, с. 117, 119].

Павлов продолжил практику предшественников. Для отправки ясачных сборщиков из Туруханска он взял в Мангазее дощаничные и лодочные паруса «и к старым парусам на починку и на прибавку и на дроги и на ноги и на вожжи парусные и на поясы и на нарьи и на скуты и на конковые и на причалки и на петли к ногам и на привяску крюков...» с кочей 171 г. «2 паруса кочевых, а холста в них мерой 962 аршина да кочевых варовых всяких веревок 415 саженей». Таким образом, Павлов использовал два коча (поскольку коч – судно исключительно одномачтовое), из чего тайны не делал и отправил соответствующую отписку в Тобольск (л. 112).

Безусловно, кочи совершали и обратные рейсы, только не в таком организованном и регулярном порядке, как «хлебные» караваны. Так, в 1668 г. из Мангазеи в Тобольск отправились три коча, причем

на одном из них находилась государева «соболиная казна», отправляемая в Москву. В Обской губе один коч потерпел крушение, еще один (с «мягкой рухлядью») был вынужден вернуться в Мангазею и лишь третий добрался до Тобольска [Вершинин, 2001, с. 118]. Об обратных плаваниях кочей свидетельствует факт выдачи лодок служилым людям, которые доставляли соболиную казну в Москву. На них мангазейские стрельцы «чрезкаменным» путем (в основном по рекам) переходили горы Северного Урала. Для этого и нужны были лодки, которые могли быть доставлены (видимо, до Березова) только кочами.

В росписном списке подробные расходы казны на «судовой ход» содержатся только за первый год воеводства Павлова. Судовые расходы и приходы воеводской избы, которые фиксировались в отдельных книгах, воеводы (Павлов и Наумов) посчитали лишним вносить в свой счетный список, поскольку «все сошлось сполна». Тем не менее, можно привести и подробности, которые должны быть интересны историкам допетровского речного судостроения. В 171 г.

... в Енисейском остроге и на Турухане куплено для отпуска в ясачные зимовья на всякий дощаничный и лодочный расход 131 мот 6 пасм³ прядена толстого, каюк новый, 14 лодок, стругов и набойниц, 11 набои к лодкам, 200 гвоздей в 3 вершка и в 4, 20 гвоздей в 6 вершков, 5 тысяч скоб судовых конопатных, 68 тисок берестяных кровельных, 18 ведр смолы, 1700 пасм нитей, 2 горшка глиняные.

Расходная часть судовых запасов конкретизирует картину. Помимо оснащения речных судов, веревки выдавались ясачным сборщикам на рыболовные снасти (мережи и пушальницы):

И на пушальницы на Есей озеро 1638 пасм нитей шитых; да к шоглам прибоины и к сопцам тяги и у лодок водорезы прибивать 200 гвоздей в 3 и в 4 вершка; да 14 гвоздей в 6 вершков; дощаники и лодки скобить 4099 скоб судовых конопатных; да старой худой парусины, что привезено из Тунгусок и из Пясида худые парусишка к дощаникам и к лоткам на конопать и на подстилки к денницам и на парусы лодочные 401 аршин; 2 горшка, что вар варили, розгорели; да 2 лотченка худые старые да дощанишко худое старое ж, розсечены для поделки дощаничной и лодочной; да к пясидцким и тазовским лоткам дано 11 набои (л. 115).

Приведенные тексты вполне понятны историкам народного речного судостроения и поэтому наших комментариев не требуют. В мае того же 1663 г. в Туруханск из ясачных зимовий с обеих Тунгусок, с Пясида и Енисея прибыли ясачные сборщики на шести дощаниках (еще один оказался «ломаным») и шести лодках. Такими вот небольшими силами (и людскими, и транспортными) осуществлялся в эти

³ Пасмо, согласно словарю В. И. Даля, отдел мотка ниток, бывает разной длины.

годы ясачный сбор в огромном Мангазейском уезде. Русское присутствие определялось здесь для автохтонов наличием самого города, ясачными сборщиками с огнестрельным оружием и соответствующими водными средствами сообщения.

С. В. Бахрушиным показано значение «государева жалованья» для сибирских ясачных людей, которое они получали каждый год (в виде ценимых ими вещей) при условии регулярной уплаты ясака. Не меньшее значение раздача этих подарков имела для воеводской администрации, отвечавшей за сбор ясака и потому заинтересованной иметь в казне этот «подарочный набор» (фактически за его раздачей скрывалась форма принудительного неэквивалентного обмена) [Бахрушин, 1955в, с. 71–82]. В Мангазейском уезде состав подарков «ясачным иноземцам» в годы воеводства Павлова был стабилен: это олово, топоры, ножи, «железца ножевые», железо «в прутьях», одекуй (бисер), карлуки осетрового клея, в меньшей мере медь в котлах.

Из всего этого жалованья иноземцам Павлов «заехал» в Мангазее лишь 7 гривенок олова и 23 железца ножевых. Как показывают материалы росписного списка, выручала воевод ежегодная ярмарка в Туруханске, проходившая в июне-июле, на которую приезжали торговые люди из Енисейска и с «Руси». Так, на туруханской ярмарке в 1664 г. было куплено в казну 2 пуда пруткового железа, 2 котла красной меди, 3 тыс. (счет шел на бусины) одекуя, 200 «ножевых железец», 60 топоров, 42 карлука осетрового клея. В следующем 1665 г. казна приобрела 75 топоров больших и малых, 118 «ножевых железце», 12 ножей с рукоятками, пуд и 28 гривенок пруткового железа, 160 карлуков клея. Из Тобольска было прислано 4 пуда 18 гривенок олова «в блюдах и торелях» (л. 100–101). Почти все это расходилось за год по ясачным зимовьям.

Обычная процедура выдачи государева жалованья была такой. В это время в Туруханске содержалось значительное количество самоедских и тунгусских аманатов (в 1676 г. их насчитывалось 45 чел.). Аманаты якобы добровольно раз в год приходили в съезжую избу ударить воеводе челом поминочными соболями (понятно, что они получали меха от своих находившихся на свободе родственников). Им «давали» (показывали) государево жалованье, которое рассылалось по ясачным зимовьям. Делалось это для успокоения как самих аманатов, так и их родичей: ясачные люди должны были быть уверены, что за уплату ясака они регулярно получают государево жалованье.

С. В. Бахрушин был бесспорно прав, когда писал: «В истории Сибири ясак сыграл большую, можно сказать, решающую роль. Это была та притягательная сила, которая побудила царское правительство перейти за Урал и присоединить всю территорию к востоку от него до Тихого океана» [Бахрушин, 1955в, с. 49]. В росписном списке Павлова содержатся точные годовые данные о размерах ясачного сбора всех ясачных зимовий Мангазейского уезда, заодно уточняется и количество этих зимовий на 1660-е гг. Порядок перечисления ясачных

зимовий в годы воеводства Павлова был одинаков. В росписном списке зафиксирован не ожидаемый окладной ясак, а реально принесенный и сданный ясачным сборщикам. Приведем подробные данные о поступившем ясаке за 1662/63 г.

Ближайшим к Мангазее было *Верхотазское зимовье*, в которое в 171 г. поступило 4 сорока 4 соболя, 11 бобров больших и малых, 10 росомах. Других ясачных зимовий на р. Таз не было. Следующее зимовье, *Хантайское*, находилось уже в низовьях Енисея, куда ясачные самоеды сдали 5 сороков 11 соболей и 3 бобровых шкуры. В собственно *Туруханское зимовье* с самоедов поступил ясак в размере 3 сороков 29 соболей. На Енисее же были расположены еще два ясачных зимовья – *Инбацкое* и *Закаменное*. В первое было сдано инбаками и остяками (то есть кетами) 11 сороков 28 соболей, во второе остяками и тунгусами – 6 сороков 26 соболей. Далее идет перечисление ясачных зимовий, расположенных на Нижней Тунгуске. В дальнем *Усть-Непском зимовье* с тунгусов было взято 43 соболя; «того ж Усть-Непского другие половины *Кундогирского зимовья*» ясачный сбор составил 6 сороков 26 соболей. *Обнина курья*, которая тоже являлась ясачным зимовьем (не локализовано) и давала самое большое количество ясака, внесла в соболиную казну 12 сороков соболей. Сбор *Усть-Титейского зимовья* составил 45 шкурок соболей; «Усть-Титейского другие половины *Турыжского зимовья*» – 8 сороков 24 соболя. С самоедов *Пясицкого Хецко-го зимовья* (на р. Хете) ясак брался не шкурками пушных зверей, а оленьими ровдугами (выделанными шкурами). В этом году в ясак было сдано 508 ровдуг. Далее в ясак поступило: в *Летнее зимовье* (р. Нижняя Тунгуска) с тунгусов 4 сороков 18 соболей; в *Тетерское зимовье* (р. Подкаменная Тунгуска) 3 сорока 26 соболей; в *Чунское зимовье* (р. Подкаменная Тунгуска) 53 соболя; в *Хатанском Ессейском зимовье* взято ясака 11 сороков соболей и там же с анабарских тунгусов 30 соболей. Всего все ясачные зимовья Мангазейского уезда собрали окладного ясака 80 сороков 9 соболей, 17 бобров больших и малых, 4 кошлока (молодой бобер), 11 росомах, 502 ровдуги оленьих. Помимо окладного ясака, были еще и поминочные меха (царские и воеводские), соболя в «почесть».

Отдельной статьей шел таможенный сбор десятинной пошлины, которую собирали таможенный голова и целовальники в Мангазее, Туруханске и на заставе на устье Подкаменной Тунгуски. Десятинная пошлина составила 29 сороков 17 соболей. В итоге в Москву отправилась собранная в 171 г. ясачная казна в размере 121 сорок 4 соболя (4844 целых шкурок соболя), 19 бобров больших и малых, небольшое количество красных лисиц и росомах. Все меха были оценены по мангазейской цене на 9540 руб. В 177 (1668/69) г. в Москву было отпущено всякой мягкой рухляди 136 сороков 20 соболей (из них 33 сорока 25 соболей таможенного десятинного сбора), 11 бобров, 38 росомах по мангазейской цене на 9720 руб. В 1670 г. ясачный и таможенный

сборы вместе составили 142 сорока 7 соболей (5 707 шкурок) на сумму в 10 640 руб. (л. 120–177).

Как видно, основное количество ясачной пушнины поступало с территорий, расположенных за Енисеем. Еще в 1640 г. мангазейские служилые люди указывали, что «собирается де с тех земель на всякий год по 100 сороков соболей и более». Надо еще отметить, что пушная добыча промышленников в Мангазейском уезде и в 1660-е гг. превосходила масштабы охотничьей деятельности ясачных людей. Деятели Сибирского приказа, а вслед за ними и новый воевода Наумов могли поставить в вину Павлову только одно – то, что он не «выколачивал» с ясачных людей недоимки по ясаку за прошлые годы. Между тем, эта задача была заведомо невыполнимой. В 1651 г. мангазейский воевода Ф. И. Байков, жалуясь на малочисленность служилых людей, писал в Тобольск, что в зимовья на обе Тунгуски посылаются по два-три ясачных сборщика, которых тунгусы и самоеды нередко «побивают». Воевода подчеркивал неокладной характер ясака: «И твой, государь, ясак платят из воли, а иные де... и не платят, потому что видят: безлюдно, а оборонитца некем». Ясачные сборщики жаловались на невозможность составления точных окладных книг, потому что самоеды и тунгусы ежегодно меняли свои имена, а в лицо служилые люди их не опознавали [Вершинин, 2018, с. 394].

Павлов добросовестно писал о сборе недоимок по ясаку ясачным сборщикам. Те заносили умерших ясакоплательщиков в окладные ясачные книги и сообщали, что иные ясачные люди «побиты», а иные «сошли на сторонние реки и к ясачным зимовьям не приходили». Павлов отсылал эти «сказки» в Москву. Видимо, утомленный назойливой тупостью московских приказных, он привел весомый аргумент: «А по указу же великих государей велено из доимки ясак имать из воли ласкою, а не жесточью и правежем». Тем не менее, воеводе начислили ясачную недоимку с 171 по 179 г. – 7 сороков 2 соболя и 252 ровдуги оленьих:

...и по сему счетному списку и по государеву указу доимочный ясак довелось взять на воеводе Родионе Павлове, потому что он тот доимочный ясак на ясачных людех не выбирал своею оплошкою...

Павлов, очевидно, уже уехал с воеводства, поэтому для уплаты «доимочного ясака» Наумов поставил в Туруханске на правож людей Павлова Якунку Алексева сына Жукова «с товарищем», оставленных воеводой, видимо, для проведения торговых операций с мехами (л. 183, 212). Так закончилось мангазейское воеводство Р. М. Павлова.

В заключение хотелось бы только выразить сожаление об отсутствии многих сведений в росписном счетном списке. Нет данных о количественном составе мангазейского стрелецкого гарнизона, как и о количестве ясачных людей; обойдены молчанием факты обратных

рейсов кочей в Тобольск и переселения жителей Мангазеи в Туруханское зимовье. Нет информации об осаде Мангазеи самодийскими родами; из росписного списка невозможно извлечь какие-либо факты частной жизни жителей города (состав семьи и дворовых людей самого Павлова). Перед нами административный отчет, который мало вяжется с такими определениями Мангазеи, как «легендарная» и «златокипящая», впрочем, как и применяемыми к ней относительно данного времени словами «упадок» и «закат». Мангазея 1660-х гг. – город с обычным для него (хотя и своеобразным) ритмом жизни, который может быть интересен для историков повседневности и скучен для любителей героико-романтического освоения Севера.

Список литературы

- Александров В. А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М. : Наука, 1964. 303 с.
- Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955а. Т. 3. Ч. 1. С. 175–197.
- Бахрушин С. В.* Мангазейская мирская община // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955б. Т. 3. Ч. 1. С. 297–330.
- Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С. В. Науч. тр. : в 4 т., в 5 кн. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955в. Т. 3. Ч. 2. С. 49–85.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Часть 1. Мангазейский морской ход. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 163 с.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Часть 2. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 147 с.
- Бертолисси С.* Вольный город в России XVII в.: Мангазея на реке Таз (1601–1672) // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 252–262.
- Буцинский П. Н.* Сочинения : в 2 т. Тюмень : Мандрика, 1999. Т. 2. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. 327 с.
- Вершинин Е. В.* Дошаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4. Евразийское пограничье. С. 87–131.
- Вершинин Е. В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2018. 503 с.
- Вершинин Е. В., Визгалов Г. П.* Новая Мангазея (город, которого нет на карте) // Родина. 2012. № 2. С. 55–59.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург : Караван, 2017. 360 с.
- РГАДА. Ф. 214. Стб. 650, 731; Кн. 367.
- Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2018. 512 с.

References

- Aleksandrov, V. A. (1964). *Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Eniseiskii krai)* [The Russian Population of Siberia in the 17th – Early 18th Centuries (Yenisei Region)]. Moscow, Nauka. 303 p.
- Bakhrushin, S. V. (1955a). Andrei Fedorovich Palitsyn [Andrei Fedorovich Palitsyn]. In Bakhrushin, S. V. *Nauchnye trudy v 4 t., v 5 kn.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3. Part 1, pp. 175–197.

Bakhrushin, S. V. (1955b). Mangazeiskaya mirskaya obshchina [Mangazeyan Secular Community]. In Bakhrushin, S. V. *Nauchnye trudy v 4 t., v 5 kn.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3. Part 1, pp. 297–330.

Bakhrushin, S. V. (1955c). Yasak v Sibiri v XVII v. [Yasak in Siberia in the 17th Century]. In Bakhrushin, S. V. *Nauchnye trudy v 4 t., v 5 kn.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 3. Part 2, pp. 49–85.

Belov, M. I., Ovsyannikov, O. V., Starkov, V. F. (1980). *Mangazeya. Chast' 1. Mangazeiskii morskoi khod* [Mangazeya. Part 1. Mangazeya Sea Passage]. Leningrad, Gidrometeoizdat. 163 p.

Belov, M. I., Ovsyannikov, O. V., Starkov, V. F. (1981). *Mangazeya. Chast' 2. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodsev XVI–XVII vv.* [Mangazeya. Part 2. The Material Culture of the Russian Polar Seafarers and Explorers of the 16th–17th Centuries]. Moscow, Nauka. 147 p.

Bertolissi, S. (2014). Vol'nyi gorod v Rossii XVII v.: Mangazeya na reke Taz (1601–1672) [A Free Town in 17th-Century Russia: Mangazeya on the Taz River (1601–1672)]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 252–262.

Butsinskii, P. N. (1999). *Sochineniya v 2 t.* [Works. 2 Vols.]. Tyumen', Mandrika. Vol. 2. Mangazeya, Surgut, Narym i Ketsk. 327 p.

Eskin, Yu. M. (2018). *Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv.* [Essays on the History of Mestnichestvo in 16th- and 17th-Century Russia]. Moscow, Kvadriga. 512 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 214. Columns 650, 731; Book 367.

Vershinin, E. V. (2001). Doshchanik i koch v Zapadnoi Sibiri (XVII v.) [Doshchanik and Koch in Western Siberia (17th Century)]. In *Problemy istorii Rossii*. Yekaterinburg, Volot. Iss. 4. Evraziiskoe pogranič'e, pp. 87–131.

Vershinin, E. V. (2018). *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoi Sibiri v kontse XVI–XVII v.* [Russian Colonisation of Northwestern Siberia in the Late 16th–17th Centuries]. Yekaterinburg, Demidovskii institut. 503 p.

Vershinin, E. V., Vizgalov, G. P. (2012). Novaya Mangazeya (gorod, kotorogo net na karte) [New Mangazeya (a City That is Not on the Map)]. In *Rodina*. No. 2, pp. 55–59.

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. (2008). *Mangazeya: novye arkhologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: New Archaeological Studies (Materials 2001–2004)]. Yekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan. 296 p.

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. (2017). *Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda* [Mangazeya: The Estate of the Polar City]. Nefteyugansk, Yekaterinburg, Karavan. 360 p.

The article was submitted on 20.09.2019